

УДК 94(4) + 949(438) + 470.47

К ВОПРОСУ О ПОПЫТКЕ ПОЛЬСКОГО КОРОЛЯ ЯНА III СОБЕСКОГО УСТАНОВИТЬ ПОЛЬСКО-КАЛМЫЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1683–1686 гг.

Владимир Толтаевич Тепкеев

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Российская Федерация

E-mail: tv75@mail.ru

А н н о т а ц и я

Статья посвящена одной из малоизвестных страниц в отечественной истории — международным отношениям Калмыцкого ханства в XVII–XVIII вв. Цель статьи — введение в научный оборот новых архивных сведений о международной политике Калмыцкого ханства в период правления хана Аюки (1672–1724 гг.). Источниковой базой послужили материалы «Донских дел» Российского государственного архива древних актов, где отложились сведения донских казаков о попытках установления польско-калмыцких отношений в 1683–1686 гг. Неоднократно предпринимаемые усилия польского короля Яна Собеского по привлечению калмыцкого войска Аюки-хана в войнах Речи Посполитой против турок и крымцев в конечном итоге не увенчались успехом, в большей части из-за приоритетности русско-калмыцких отношений в международных делах Калмыцкого ханства. Тем не менее, несмотря на заявленные протесты Москвы Польше, а также увещевания русской администрации в адрес калмыцкой стороны, отдельные отряды калмыков и донских казаков все же принимали участие на стороне Польши и ее союзников в военных баталиях того времени.

К л ю ч е в ы е с л о в а

Калмыки, Калмыцкое ханство, хан Аюка, Ян III Собеский, польско-калмыцкие отношения, русско-польские отношения.

UDC 94(4) + 949(438) + 470.47

ON THE QUESTION OF THE ATTEMPT OF THE POLISH KING JAN III SOBIESKI TO ESTABLISH POLISH-KALMYK RELATIONS IN 1683–1686

Vladimir Toltaevich Tepkeev

Doctor of Historical Sciences, Leading Research Fellow
Kalmyk Scientific Center RAS, Elista, Russian Federation
E-mail: tvt75@mail.ru

Annotation

The article is devoted to one of the little-known pages in Russian history, namely international relations of the Kalmyk Khanate in the 17th–18th centuries. The purpose of the article is to introduce into scientific circulation new archival information about the international policy of the Kalmyk Khanate during the reign of Khan Ayuki (1672–1724). The source base was the materials of the «Don Affairs» fund of the Russian State Archive of Ancient Acts, where the information of the Don Cossacks about attempts to establish Polish-Kalmyk relations in 1683–1686 was deposited. The repeated efforts of the Polish king Jan Sobieski to attract the Kalmyk army of Ayuki Khan in the wars of the Polish-Lithuanian Commonwealth against the Turks and Crimeans ultimately failed, in large part due to the priority of Russian-Kalmyk relations in the international affairs of the Kalmyk Khanate. Nevertheless, despite Moscow's declared protests to Poland, as well as the admonitions of the Russian administration against the Kalmyk side, separate detachments of Kalmyks and Don Cossacks still took part on the side of Poland and its allies in the military battles of that time.

Key words

Kalmyks, Kalmyk Khanate, Khan Ayuka, Jan III Sobieski, Polish-Kalmyk relations, Russian-Polish relations.

ВВЕДЕНИЕ

История международных отношений Калмыцкого ханства в XVII–XVIII вв. имела очень широкий геополитический спектр — от Китая и Тибета до Османской империи. Об этом свидетельствуют многочисленные источники на различных языках, в первую очередь русские архивные материалы. Одна из основных задач современных историков заключается во введении в научный оборот новых сведений о политической истории Калмыцкого ханства, особенно тех направлений внешней политики волжских калмыков, которые на сегодняшний день малоизвестны широкому кругу отечественных и зарубежных исследователей. К ним можно отнести и взаимоотношения калмыцкого хана Аюки с Речью Посполитой, в частности, в военном сотрудничестве, так и не получившие достаточного развития в силу ряда объективных и субъективных причин. Как показывают источники, Московское правительство опасалось, что Польша усилит военный потенциал за счет привлечения на свою сторону казаков и калмыков, и это стало основным сдерживающим фактором в развитии калмыцко-польских отношений в период правления хана Аюки.

Цель настоящей статьи — введение в научный оборот новых архивных сведений о международной политике Калмыцкого ханства в период правления хана Аюки (1672–1724 гг.). Предметом исследования стали попытки установления калмыцко-польских связей в 1683–1686 гг., инициированные в основном польским королем Яном Собеским, заинтересованным в участии боеспособной калмыцкой армии в военных кампаниях Польши с османцами и крымцами. Для реализации поставленной цели в статье решались задачи изучения становления калмыцко-польских отношений в период правления Аюки-хана, рассмотрения влияния России на международную политику калмыцкого ханства.

Безусловно, тема калмыцко-польских отношений в указанный период требует дальнейшего тщательного и глубокого исследования, привлечения новых архивных данных, в том числе польского происхождения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Источниковой базой настоящей статьи послужили материалы «Донских дел» Российского государственного архива древних актов, где отложились сведения донских казаков о попытке установления польско-калмыцких отношений в 1683–1686 гг. Достоверность представленных архивных сведений проверялась путем выявления их происхождения, сравнения и сопоставления с другими источниками, содержащими похожую информацию. Их комплексный анализ предоставляет исследователю возможность объективной оценки складывающихся польско-калмыцких отношений в период правления Аюки-хана.

ОБСУЖДЕНИЕ

Одним из первых, кто в своих работах обратился к теме польско-калмыцких отношений в XVII веке, был исследователь Освальд Махатка, утверждавший, что «казаки и калмыки сыграли существенную роль в защите Польши от нашествия

татар» (Махатка, 1958: 44). Однако, как показывают источники того времени, данный автор сильно переоценил вклад калмыков в эту военную кампанию, поскольку польский король Ян Собеский так и не добился привлечения большого количества калмыков на свою сторону.

К.А. Кочегаров в своих исследованиях отмечал безуспешность усилий польского правителя Яна Собеского по привлечению к участию в операциях польско-литовской армии калмыков и донских казаков. По его данным, в 1684 г. на службу к польскому королю пошли очень незначительные отряды; в 1685 г. донские казаки предпочли действовать самостоятельно, а до Аюки королевские предложения по вступлению калмыков в военные сражения на стороне Польши и вовсе не дошли. По мнению исследователя, Московское правительство было весьма недовольно попытками Яна Собеского вести сепаратные сношения с донцами и калмыками, считавшимися царскими подданными (Кочегаров, 2008: 204).

РЕЗУЛЬТАТЫ

В 1681 г. Османская империя, вскоре после заключения с Московским государством Бахчисарайского перемирия, вступила в войну с Австрией. Летом 1683 г. 100-тысячной турецкой армии во главе с великим визирем Кепрюлю Кара Мустафа-пашой с боями удалось дойти до Вены и взять ее в осаду. Успешные военные действия турок продолжались до тех пор, пока польский король Ян III Собеский, заключивший в то время военный союз с Австрией, не пришел на помощь защитникам осажденной австрийской столицы. 12 сентября объединенные силы союзников одержали блестящую победу над османской армией. Весной 1684 г. представители Австрии, Польши, Венеции и римского папы, здраво оценив благоприятно сложившуюся военно-политическую ситуацию, создали антиосманскую коалицию — «Священную лигу». Ее членами собирались стать и другие христианские государства; приглашение вступить в создаваемый военно-политический альянс получало и Московское государство, которому союзники предполагали отвести главную роль по нейтрализации Крымского ханства — «правой руки» турецкого султана.

Однако Москва не спешила стать полноценным участником антиосманской коалиции, опасаясь усиления военно-политического потенциала Польши, с которой у нее в течение XVII столетия было несколько кровопролитных войн. Одним из условий Москвы в вопросе участия русского государства в антиосманской коалиции являлось заключение «вечного мира» с Польшей, могущего, на взгляд большинства представителей московского правящего круга, отодвинуть хотя бы на время перспективу возобновления новых военных действий с Речей Посполитой. Московское правительство без заключения полноценного мирного договора с Польшей не было намерено ввязываться в военные действия с турками и татарами. Польские и австрийские дипломаты, добиваясь желаемого вступления Москвы в антитурецкую коалицию и ведя с ее представителями непрерывные переговоры, одновременно пытались напрямую обращаться за военной помощью к запорожским и донским казакам, а также калмыкам. Их силы антиосманская коалиция предполагала использовать не только на крымском направлении, но и на других участках военных действий. Однако сами казаки, боясь гнева Москвы, не решались самовольно

выступить на стороне образовавшейся антиосманской коалиции. Московское правительство всячески препятствовало агитации и найму своих подданных польской стороной из-за опасения возможного нарушения мира с Турцией. Польские дипломаты, несмотря на протесты московского правительства, продолжали прилагать усилия по привлечению на свою сторону в войне с турками, в частности, казаков. В свое оправдание они ссылались на отдельные статьи Андрусовского договора, в которых говорилось о совместном управлении обоих государей украинскими казаками в целях общей защиты от «бусурман». Королевские представители прямо выказывали недовольство тем, что московское правительство, само используя казачество в борьбе против турок и татар, запрещает казакам воевать под польскими знаменами (Махатка, 1958: 35–37). Видимо, в основном по причине неоднократных протестов Москвы польской стороне, просьб и прямых угроз казачьим атаманам в 1683 г. по существу сорвалась вербовка запорожских казаков в ряды польских войск, и они не участвовали в венском походе (Махатка, 1958: 37–38).

Надо сказать, что аналогичные попытки привлечения казаков и калмыков к участию в военных кампаниях против своих врагов делались и турецкой стороной. В русских документах неоднократно встречаются свидетельства о попытке османов склонить казаков и калмыков к участию в войне с поляками и их союзниками. На то были веские причины. Просьба турецкого султана о военной помощи была вызвана серьезными потерями турок и крымцев в людской силе в сражении под Веной. Османским правителем Азовскому бию Сеину в случае выступления казаков на турецкой стороне и успешного исхода военного дела был обещан титул «кефинского паши». Турецкий султан также прислал Сеину указ, чтобы тот «приговорил калмыцких тайшей со всеми их улусными людьми в службу и прислал бы их к нему, салтану, на помощь, где ево ратные люди бьютца с цесарем римским и польским королем». Этот указ стал известен Москве в декабре 1683 г., когда донские казаки привезли в Москву пленного азовского турка Мевлета. Сеин, исполняя приказ-просьбу османского правителя, отправил к калмыцким тайшам посланцев с предложением, чтобы те через Азов отправили своих представителей для переговоров к турецкому султану (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1683 г. Д. 40. Л. 17–18).

Со своей стороны не оставлял попыток привлечь калмыков на свою сторону и польский король Ян Собеский. Об этом свидетельствуют многочисленные документы того времени. В конце мая 1684 г. Собеским в Запорожскую Сечь были отправлены послы — ротмистры и королевские дворяне Станислав Порадовский и Станислав Монкольский. Они должны были призвать к участию в Священной войне против турок и татар не только запорожцев, но и сделать аналогичные предложения донским казакам и калмыцким тайшам. Посольство везло 1000 червонных золотых для запорожцев и столько же для калмыков. Посланников к донцам и калмыкам должны были отправить сами запорожцы, а те — прислать своих представителей в Сечь и там заключить договоры с королевскими послами (Кочегаров, 2008: 200).

В июле 1684 г. в Посольском приказе станичный атаман Владимир Дмитриев сообщал, что на Дон приезжали запорожцы от кошевого атамана Григория Сайгадашного с письмами от польского короля, адресованными к казакам и калмыкам (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1684 г. Д. 26. Л. 6–10). Из Приказа Казанского дворца срочно были посланы грамоты в Самару, Саратов, Царицын и Черный Яр с приказом

перехватить посланников, но тем удалось благополучно, в обход застав, проехать за Яик и прибыть в ставку калмыцкого тайши Аюки в верховьях реки Илек. Посланцы вручили Аюке три письма от Яна Собеского, два из которых были написаны по-польски, а одно — «белорусским письмом». Но никто из калмыков не смог их прочитать, а два письма Аюка даже не вскрывал. Находившийся среди посланцев запорожский казак Тимофей Иванов только устно передал калмыцкому владыке приглашение польского короля поучаствовать в войне против турок и татар. Аюка в ответ заявил, что без царского указа не смеет послать войска в Польшу, тем более, как пояснял калмыцкий правитель, он с польским королем ранее не имел никаких отношений. Тайша вместе с выехавшими обратно запорожцами отправил рядового калмыка Аюши Мамаева с ответными письмами к Яну Собескому, в которых просил прислать к нему для заключения договора надежного человека, так как приехавшие запорожцы не внушили ему доверия. Это, безусловно, был хитроумный ход калмыцкого правителя. Таким образом, он вроде не отказывал польским дипломатам, но в то же время сумел оттянуть время. Аюка ждал того, что ответят на предложения поляков казацкие атаманы. Являясь продуманным и дальновидным политиком, рассчитывал отправить калмыцкое войско в поход на Крым в помощь польскому королю только в случае, если донские казаки также присоединятся к этому военному мероприятию (Кочегаров, 2008: 200–201).

Астраханский воевода Андрей Иванович Голицын, получив еще 5 августа из Царицына информацию о поездке казаков в калмыцкие улусы, срочно отправил к Аюке Василия Блинова с требованием, чтобы тайша неукоснительно придерживался данной им шерты о близких союзнических отношениях с Москвой, выдал посланцев и не смел отправлять своих ратных людей на помощь польскому королю. Аюка заверил Блинова, что без царского указа никакой помощи полякам оказывать не будет и в качестве подтверждения верности союзническим обязательствам Москве отдал воеводскому посланнику одно из польских писем. Два других письма Аюка позже отослал со своим посланцем Унитеем-бакши в Астрахань, где попросил организовать перевод писем и сообщить ему содержащуюся в них информацию. Письма Яна Собеского были переведены в астраханской приказной палате на калмыцкий язык, однако Унитею были даны лишь выписки из тех писем, «что пристойно, не все против подлиннику». Сами же письма были отосланы в Москву (Кочегаров, 2008: 200–201). Кроме того, Унитей-бакши информировал Астрахань, что Аюка сразу же сообщил в соответствующие царские инстанции в Царицыно о приезде к нему казацких посланцев. В августе посланцы, выехавшие из калмыцких улусов, по дороге к Дону были перехвачены отправленными комендантом Борисом Головиным царицынскими служилыми людьми. В числе задержанных оказались три донских казака во главе с М. Волошениновым, запорожец Тимофей Иванов и пятеро калмыков. Имевшиеся при них письма Аюки к польскому королю были отправлены в Москву, а сами посланники со временем отпущены по домам (Кочегаров, 2008: 201).

Королевские письма из Астрахани были срочно доставлены в Посольский приказ, где подверглись тщательному изучению. Эксперты пришли к выводу, что письма подлинные. Их было велено сохранить как вещественные доказательства нарушения Яном Собеским русско-польских договоров и соглашений. 25 октября королевские грамоты были заслушаны на заседании Боярской думы, на котором

было принято решение отправить к королю гонца с претензиями, в частности, касательно приглашения царских подданных — казаков и калмыков — на службу польскому королю (а калмыков — даже на «вечное кочевье»), а также с обвинениями польского короля в умалении царской чести (Кочегаров, 2008: 201–202).

Для нас представляет особый интерес письмо, направленное калмыкам, причем оно не было конкретно адресовано Аюке как калмыцкому предводителю, а в целом адресовалось всем тайшам. В послании после перечисления всех регалий польского короля отмечалось: «Ведомо нам добре, коль великую Славу Ваш Народ имеет. И мужества и явного дела, которого Крым и иные татарские страны многократно боютца...». Далее приводились военные успехи поляков над турками под Веной, упоминалось взятие Эстергома, говорилось о большом ущербе, причиненном буджакским татарам. Собеский извещал тайшей о своем намерении в следующую весну выступить против врага в коалиции с московскими царями и персидским шахом. От него калмыцким тайшам поступило предложение всеми своими улусами прибыть на территорию Речи Посполитой и поступить на службу королю. Королевич предлагал не затягивать с кочевьем и уже следующей весной прийти с войском в Запорожье, и уже оттуда дать полякам знать о своем приходе. Польская сторона в письме подробно изложила предлагаемые ею условия проживания и довольствия калмыков на новом месте: «Улусом и кочевьем, з женами и з детьми, придете, то вам поля между Днепром и Бугом реками к угождению вашему назначим. А буде токмо сами собой, с войском и оружием к нам приедете, то сукнами и материями по обыкновению нашему тое охоту вашу жалованьем воздадим». Письмо было написано в Кракове 16 января 1684 г., оно было, правда, без королевской подписи, но с королевской печатью. Конечный адресат был обозначен таким образом: «Много владеющим тайшам, и мужественным орд калмыцких вождам, которые при улусах или войсках, в полях кочующих обретаютца отдать» (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1684 г. Д. 26. Л. 17–24).

Вышеизложенный документ свидетельствует о серьезном намерении польского короля привлечь на свою сторону не только военные силы калмыков в борьбе с Турцией, но и поселить часть калмыцких улусов в степной зоне междуречья Буга и Днепра, тем самым поляки хотели создать из новой калмыцкой территории своего рода защитный буфер от возможной военной агрессии Крымского ханства. Понятно, что царское правительство очень ревностно реагировало на попытки установления союзнических отношений поляков с калмыками и всячески пыталось помешать установлению близких контактов между ними, в первую очередь с помощью донских казаков.

Москва в конце октября 1684 г. направила Польше официальный протест по поводу нарушения польской стороной достигнутых ранее договоренностей в части, касающейся жизнедеятельности подданных Российского государства. В ответной грамоте от 11 января 1685 г. Ян Собеский отрицал факт официального приглашения на службу донских казаков и калмыков, последних еще на «вечное кочевание» между Днепром и Бугом. По словам короля, польская сторона имела намерение пригласить только тех калмыков и донцов, которые небольшими ватагами свободно кочуют в поисках службы, объединяясь то с запорожцами, то с татарами. Одновременно

польский король просил русское правительство разрешить ему беспрепятственно нанимать царских подданных, желающих поучаствовать в святой войне, подобно крестоносцам эпохи Крестовых походов (Кочегаров, 2008: 202).

В сентябре 1684 г. в Посольском приказе стало известно о приходе нескольких тысяч донских казаков и калмыков на службу польскому королю. Здесь, скорее всего, речь идет именно о донских калмыках, о чем имеются подтверждения в более поздних документах. Под Будю, столицей Венгрии, их (донских казаков и калмыков. — *В.Т.*) отряды неприятелю «много убытков учинили» и взяли ясырь. Затем они разбили отряд Самойленко, который перешел от правобережного гетмана А. Могилы на сторону турков и брал в осаду Немиров (Дополнения, 1869: 100, 106–107). Как сообщали в Москву курский воевода А.С. Шеин и левобережный гетман И. Самойлович, в ноябре отряд из 200 калмыков и 70 донцов, а также запорожцев, побывав на службе у польского короля, возвратился в Сечь. На строгий указ из Москвы о запрете подобных самовольных действий, руководство Войска Донского заверило, что впредь их казаки к Яну Собескому на помощь без царского указа не пойдут (Кочегаров, 2008: 202–203).

Польское королевство, видя в донских казаках и калмыках реальную военную силу, не переставало обращаться к ним за помощью. Московское правительство в одной из последующих своих грамот в очередной раз обратилось к Яну Собескому с требованием прекратить переманивать российских подданных на свою сторону. В ответной грамоте король вновь отверг все высказанные ему претензии, но опять-таки признал, что нанимал только «бродячих» казаков и калмыков, которые «войною и различною службою хлеб ищут». Король оценивал наем российских подданных как благодарность за то, что калмыки с донскими казаками «государства наши и иные христианские от бусурман заступили». Собеский призывал московское правительство вступить в антиосманскую коалицию и разрешить «на столь святую войну» нанимать еще больше российских подданных (Махатка, 1958: 41).

Военные действия немногочисленных отрядов донских казаков и калмыков в степях Северного Причерноморья в целом положительно сказывались на основном театре военных кампаний того времени. Так, осенью 1684 г. крымские татары вынуждены были отказаться от помощи туркам вследствие нападения казаков и калмыков на Крым (Дополнения, 1869: 102). В другой раз крымский хан отказал в поддержке турецкому султану, опасаясь, что казаки и калмыки в его отсутствие разорят татарские земли (Махатка, 1958: 42).

Польский король в своем очередном письме, составленном 20 марта 1685 г. в Варшаве и направленном калмыцкому хану Аюке, рассчитывал в новой военной кампании на участие более многочисленных калмыцких отрядов и призывал калмыков уже «с первой травой» соединиться с казаками правобережного украинского гетмана Андрея Могилы, чтобы выступить против общего врага — Крымского ханства. В конце письма Ян Собеский заверял тайшей: «А мы вас обнадеживаем, что сколько можем вам показать наших милостей и добродетелей и королевских призраней, то все охотно учиним, и что ни есть от нас желати будете, все удобно одержите» (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1685 г. Д. 9. Л. 4–7; Дополнения, 1872: 288–289).

В начале июня 1685 г. левобережный украинский гетман Иван Самойлович сообщил в Москву, что гонцы А. Могилы отправились с королевскими письмами к донским казакам и на Яик, в калмыцкие улусы. Принятые властями меры по

перехвату указанных гонцов не дали результатов, и те беспрепятственно проехали на Дон с грамотами от Яна Собеского. Однако Войско Донское под давлением Москвы официально отказалось от предложения польского короля, отослав грамоты в столицу, в т.ч. адресованные калмыцким тайшам. Можно согласиться в целом с К. Кочегаровым, отмечавшим, что усилия Яна Собеского по привлечению к участию в операциях польско-литовской армии донских казаков и калмыков «не увенчались сколько-нибудь значительным успехом» (Кочегаров, 2008: 202–204).

Тем не менее, в различных донесениях из мест в центр все еще встречаются сведения об участии калмыков на стороне поляков в кампании 1685 г., в частности, неизвестного калмыцкого отряда. Разъяснения по этому поводу дал станичный атаман Яков Данилов в ходе расспроса его в Москве. По его словам, в марте отряд из 100 донских калмыков и 10 казаков с Дона пошли в самовольный поход «для добычи и зипуна» в Запорожье, где к ним присоединились местные казаки. Донских калмыков возглавил некий есаул Бок Калмык. Объединенный отряд направился в Волошскую землю против турок и крымцев. Польский король, проведав о появлении отряда на вышеназванной территории «призвал их к себе войско». В конце 1685 г. король отпустил от себя калмыков, дав за службу по 3 злотых на человека, и отправил с ними «призывные грамоты» к донским казакам и калмыкам (Дополнения, 1872: 289–290, 302). Боевые качества калмыков были по достоинству отмечены и польскими церковными представителями, близкими к папскому кругу. Так, епископ Каменецкий в письме к польскому резиденту при папском дворе Матесилани, описывая происходившие военные баталии, отмечал и калмыков, доблестно сражавшихся на стороне короля. Епископ выражал надежду, что калмыки и в будущем, минуя запреты Москвы, будут воевать под польскими знаменами, так как «король у них в большом почете» (Махатка, 1958: 41).

Венская дипломатия все время продолжала оказывать давление на московское правительство, добиваясь, чтобы временные набеги казаков и калмыков на крымском направлении обрели характер постоянной и регулярной войны. С этой целью австрийские послы просили ближних бояр отправить государственные грамоты казакам и калмыкам с приказом выступить против крымских татар. Однако эти предложения не совпадали с планами Москвы, выступавшей за заключение «вечного мира» с Польшей (Махатка, 1958: 42–43).

Сами же донские казаки, хорошо осведомленные о настроениях среди калмыков, пытались успокоить московские власти и уверяли, что будто бы калмыцкие тайши без ведома государей к польскому королю не пойдут (РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1684 г. Д. 25. Л. 37; Тепкеев, 2008: 91). Подобная уверенность казаков была основана большей частью еще и на том, что Аюка в это время все свое внимание переключил не на западное направление, а на Среднюю Азию и Северный Кавказ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя промежуточные итоги по исследуемой проблематике, попробуем сделать некоторые выводы. Для калмыцкого правителя Аюки в рассматриваемый нами период отношения с Москвой были приоритетными во внешней политике, вследствие чего он даже не мог помышлять о выступлении большими людскими

силами на стороне поляков и их союзников, тем более решиться на «вечное кочевье» своих подданных на предлагаемые Яном Собеским земли «между Днепром и Бугом». Имеющиеся у нас источники свидетельствуют, что в военных кампаниях на стороне антиосманской коалиции участвовали только небольшие отряды донских калмыков и казаков, действовавших самостоятельно и желавших получить жалованье за военные услуги от польского короля. В этой связи нельзя согласиться с мнением исследователя О. Махатки, считавшего, что в «антитурецкую борьбу включились все слои калмыцкого населения» (Махатка, 1958: 44).

Московское правительство, стремясь заключить «Вечный мир» с Речью Посполитой, хотело обезопасить свое государство от нападения Польши, с которой у России ранее случались военные конфликты. Москва была категорически против привлечения российских подданных к участию в военных конфликтах польского государства. Правительство понимало, что участие Аюки с его боеспособным и достаточно многочисленным войском на стороне антиосманской коалиции могло в значительной мере способствовать военному усилению Польши, что коренным образом изменило бы геополитическую ситуацию в регионе. Аюка, в свою очередь, также понимал, что выступление его войска на стороне поляков могло значительно осложнить русско-калмыцкие отношения. Потому в военных действиях против антиосманской коалиции, как мы сказали выше, участвовали на добровольческой и коммерческой основе лишь небольшие отряды калмыков и казаков. Кроме того, официальное согласие Московского правительства на полноценное участие в военных действиях казаков и калмыков на стороне Польши и ее союзников могло привести к серьезному обострению ситуации с Крымским ханством, нарушению мирного договора с Османской империей. К тому же и сам калмыцкий правитель Аюка не хотел ухудшения калмыцко-крымских отношений, переживавших в тот период серьезный подъем. Настойчивое желание Яна Собеского втянуть Россию и ее подданных в лице калмыков в антиосманскую коалицию свидетельствует о недостаточно четком представлении им сложившейся на тот момент ситуации в Причерноморье. Приоритетный характер русско-калмыцких отношений во внешней политике Калмыцкого ханства обусловил отказ Аюки просьбам польского короля в посылке своей армии для оказания военной помощи Речи Посполитой.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации АААА-А19-119011490038-5).

Литература

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (1869). Т. 11. СПб.: Тип. В. В. Прагц.

Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (1872). Т. 12. СПб.: Тип. В. В. Прагц.

Кочегаров, К.А. (2008). *Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире*. М.: «Индрик».

Махатка, О. (1958). *Дипломатическая деятельность «Священной лиги» среди казачества и калмыков в 1683–1686 гг.* Л.: Вестник Ленинградского университета, № 14.

Тепкеев, В.Т. (2018). *Аюка-хан и его время*. Элиста: КалМНЦ РАН.

References

Additions to Historical Acts, collected and published by the Archaeographic Commission. SPb.: Type. V.V. Pratz, 1869. Vol. 11. (in Russian).

Additions to Historical Acts, collected and published by the Archaeographic Commission. SPb.: Type. V.V. Pratz, 1872. Т. 12. 423 p. (in Russian).

Kochegarov, K.A. (2008). Poland and Russia in 1680–1686. Conclusion of the Eternal Peace Treaty. М.: “Indrik”. (in Russian).

Makhatka, O. (1958). Diplomatic activity of the “Holy League” among the Cossacks and Kalmyks in 1683–1686. Leningrad University Bulletin, 14, 35–45. (in Russian).

Tepekuev, V.T. (2018). Ayuka Khan and his time. Elista: KalmSC RAS. (in Russian).